

ИСТОРИК В КОММУНИКАЦИИ С ИСТОЧНИКОМ: НЕКОТОРЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТИВНОСТИ (КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД)

The article is devoted to the problem of historic research objectivity in the aspect of communicative theory. The principle of "outside observation" has been traditional for a long time, the criterion of objectivity being "absence of an investigator in the investigated problem". But methodological concepts of historical science have been developing and increasing lately. "Linguistic trend" in historiography, general interdisciplinary directions of science have led to decomposition of the traditional model "subject-object" relationship (the problem of objectivity including).

The paper presents an alternative model based on one of social synergetics directions – theory of communicative systems presenting a so-called constructivistic paradigm. The core of research is the notion of "interpretation" which, on the one side, postulates inclusion of an observer in any investigated material and, on the other, is ambiguous itself. The above – mentioned in formation proves vitality of the problem and necessity of its investigation.

Введение. Конструктивистский подход неизбежно поднимает вопрос об объективности, поскольку тезис об отсутствии непосредственного доступа к внешнему миру для наблюдателя способен вызвать естественные подозрения и упреки со стороны в том числе исторической науки. Вопрос о «традиционном» понимании объективности имплицитно присутствует в различных методологических вопросах, поднимаемых историей, и прежде всего – в рамках известной идеи реконструкции процессов прошлого (история «как она действительно была»). Последняя базируется на классической модели взаимодействия субъекта и объекта, которую приводят, например, В. А. Любичанковский и С. В. Любичанковский: «...изучаемый объект необходимо рассматривать таким, «каков он есть», независимо от мнения и желания субъекта» [1]. Тем самым логика становится очевидной – из исследования должны быть элиминированы (в максимально возможной степени) либо, как минимум, эксплицированы компоненты субъективности. Реконструкция может корректироваться рядом характерных дифференций – «латентное / явное», «важное / неважное», «всеобщее / индивидуальное», «статичное / динамичное» и т. п. В конечном итоге исследователь мог прийти фактически к построению онтологий исторических событий.

Методологические аспекты проблемы объективности: традиционные и инновационные подходы. Приведенные выше построения базируются на классическом принципе «разрыва между наблюдателем и системой», который Х. Патнэм иллюстрирует на примере квантовой механики: «...наблюдатель может рассматривать сколь угодно широкую целостность в качестве системы (за исключением целостностей, включающих его самого в процесс осуществления изменений), но он сам...должен все время находиться за пределами системы» и в связи с этим автор констатирует базирующийся на этой посылке идеал безличностного

знания [2, с. 472]. Нахождение историка за пределами рассматриваемого имеет много аспектов, однако изначально оно регулируется следующей очевидностью (логично вытекающей из репрезентационистской гносеологической установки): исследователь извлекает информацию из исторического источника. Источник есть отражение исторической действительности соответствующим персонажем. Значит, историк не может извлекать из прошлого что-то совершенно произвольное (того, чего там не было, ведь это отражено; а «уже содержащийся» в источнике факт «уже содержит» и некоторое верное, релевантное ему истолкование, его нужно только раскрыть при помощи различных процедур).

Субъективность же традиционно связывается с двумя сферами. Так, И. Д. Ковальченко субъективность понимает двояко: как «вторжение историка» в независимый от него процесс и как действие «субъективно-исторических факторов», которые, взаимодействуя с «объективными» факторами (их автор связывает с «внутренней закономерностью» [3, с. 263]) формируют альтернативность [3, с. 81].

Таким образом, проблема субъективности смещается, фактически в область *интерпретации* исследователем «отражения» историческим актором его действительности и, с другой стороны, *коррекции исследователем собственной «онтологии»* наблюдения прошлого с целью элиминации субъективного.

В обоих случаях происходит «покушение» на традиционную схему субъект-объектного различения. Главный аргумент к пересмотру данной дифференции (как правило, явно он не присутствует) мы можем проиллюстрировать, приведя дихотомию, выдвинутую Д. Серлем. Последний указывает, что различие «объективное/субъективное» может пониматься эпистемологически (как суждения) и онтологически (боль субъективна, гора – наоборот) [4]. Однако в обоих случаях критерием объективности

остается субъект. Только субъект как наблюдатель может констатировать, так сказать, собственное отсутствие в изучаемом. И данный парадокс нуждается либо в умолчании, либо в решении.

Что касается проблемы интерпретации, то в большей степени импульс к ее решению задан герменевтикой, в которой «...традиционной субъект-объектной гносеологической конструкции противопоставляется изначальная вовлеченность познающего в постоянно совершающуюся деятельность, природа которой уже не сводится к познанию, а представляет собой предшествующую разделению на теоретическую и практическую жизнедеятельность» [5, с. 128]. Иными словами, постулируется необходимость фактического сближения субъекта и объекта посредством того факта, что оба они принадлежат к одному контексту, одной традиции. Как отмечает Х.-Г. Гадамер, «в начале всякой исторической герменевтики должно стоять... снятие абстрактной противоположности между традицией и исторической наукой, между историей и знанием о ней» [6, с. 367].

В рамках данного исследования нам нет необходимости углубляться в данную дисциплину, однако нужно подчеркнуть неоднозначность понимания «интерпретации», в том числе в историческом исследовании. Рассмотрим данную неоднозначность в следующем аспекте. Т. Виноград, Ф. Флорес, говоря о герменевтике Гадамера указывают: «...в качестве первичного выступает акт интерпретации, представляющий собой взаимодействие между горизонтом, задаваемым текстом, и горизонтом, который привносит интерпретатор» [7, с. 186–187]. Однако при сопоставлении интерпретации и интерпретируемого может возникнуть специфическая сложность. К примеру, И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер рассматривают категорию т. н. интерпретирующих речевых актов (в высказывание Эго включается предварительное высказывание Альтера) [8]. Тем самым оказывается, что интерпретируемое высказывание одинаково доступно и для интерпретатора, и для других наблюдателей. Соответственно, интерпретация всегда может быть скорректирована. В случае же с историческим познанием происходит вторичная интерпретация. Иными словами, историк, как и другие наблюдатели, может фактически видеть (включать в наблюдение) лишь собственную интерпретацию интерпретации. То, что наблюдалось историческим актором, есть то «латентное», к которому предполагается «возвращение» историка (т. е. реинтерпретация историка должна быть релевантной тому, что интерпретировал исторический персонаж).

Данная ситуация может «решаться» в рамках известной дифференции «эпистемология /

онтология» (т. е. то, что интерпретировал исторический актор = «история как она была» = реинтерпретация историка). В то же время определенные сложности у герменевтики возникли и благодаря идеям, высказанным Куайном: «В ситуации «радикального перевода», т. е. перевода текста, порожденного незнакомой культурой, это ведет к «неопределенности перевода», положению, из которого переводчик может выйти только путем адаптации или модернизации текста. Поскольку история культуры преследует цель познания нового, отличного от культуры исследователя, неопределенность присутствует всегда, элементы адаптации неустранимы» [9, с. 63]. Т. е. мы можем лишь один раз возвратиться к идее о замене контекста интерпретации, которую осуществлял исторический персонаж, собственной интерпретацией. Согласимся с Хабермасом, что «...все рациональные реконструкции, как и прочие типы знания, имеют лишь гипотетический статус» [10, с. 53]. Тем не менее независимо от сложностей, которые претерпевает историческая герменевтика, благодаря ее идеям стало возможным констатировать, что «связь субъекта и объекта исторического исследования проявляется в том, что объект находится в весьма жесткой зависимости от субъекта» [11].

Что касается проблемы коррекции историческом собственного наблюдения, то наряду с герменевтикой особенное внимание этому уделяет постмодернистская парадигма. Не вдаваясь в подробности, мы можем отметить, что проблема объективности в таком случае увязывается (но нельзя сказать, что решается) с категорией интертекстуальности. Как отмечает Орлов об интертексте: «Интертекстуальность обращена к другим прецедентным текстам; интертекстуальная отсылка выступает как «смещенный» парадигматический элемент, восходящий к забытой синтагматике» [12]. Обращение к интертексту (если можно так выразиться, коммуникативно «заверенной» интерсубъективности) препятствует «замыканию» наблюдателя в своей самореференции и тем самым обеспечивается определенное стремление к объективности.

Теперь мы можем попытаться презентировать конструктивистский ответ на постановку приведенных проблем.

1. Поскольку конструктивизм постулирует невозможность непосредственного доступа наблюдателя к внешнему миру, последний не может стать конечной реальностью, удостоверяющей корректность наблюдения. Соответственно, всерьез пересматривается понятие объект. В рамках социального конструкционизма (К. Джерджен) утверждается: «...феномен объективности следует интерпретировать как риторическое достижение социального сообщества,

построенное в соответствии с культурными канонами научного дискурса» [13, с. 40]. Мы видим, что элиминация внешнего мира как критерия объективности не снимает проблему самого критерия, речь идет о смене акцентов. Наблюдение становится целиком зависимым от актуальных ему условий. В этой связи, С. Цоколов приводит максимум Ферстера об объективности: «объективность – это неверное представление о том, что наблюдение могло бы осуществляться без наблюдателя» [14]. Для конструктивизма объективность не связывается с раскрытием тех свойств объекта, которые уже есть до всякого их исследования. Тезис о последнем – конструкция наблюдателя, необходимая ему в его актуальной координации.

2. Наблюдатель никогда не бывает внешним. Проводя различие, связанное с предметом изучения, он создает общее с ним смысловое поле и в этом он способен столкнуться с «парадоксом Рассела»: «Любая попытка взглянуть на себя со стороны – это выход в некую традицию производства смысла, отягощенную собственной историей и требующую принятия серии правил и общего «взгляда» на реальность» [15, с. 8]. Иными словами, пытаюсь наблюдать себя как наблюдателя, исследователю необходимо привлечение большей информации, относимой к изучаемой области (что, прежде всего, заставляет обращаться к актуальному состоянию системы науки).

3. Тем самым, речь идет о том, что проводя некоторое различие себя и объекта, наблюдатель может попытаться скорректировать собственную компетентность путем обращения к принятым в его сообществе научным критериям. В широком смысле речь идет об интерсубъективности (или, если угодно, интертекстуальности). Как отмечает О. В. Посконина, «...так как можно знать, что неограниченная самореференция чисто логически не функционирует, то для наблюдателя предлагаемой теории данное обстоятельство может только означать, что идеализация интерсубъективного взаимопонимания выполняет функцию прерывания самореференции» [16, с. 16]. Л. С. Драгунская иллюстрирует этот тезис применительно к феноменологии «...единственно объективное – это интерсубъективная коммуникация. Объективное, чтобы стать таковым, должно пройти апробацию в другой субъективности» [17, с. 140].

4. Приведенные в п. 2 и 3 операции способны четко проиллюстрировать, что в конечном итоге «различение субъекта и объекта (мышления и бытия, познания и предмета) познания всегда является ни чем иным, как внутрисистемным различием самореференции и внешней референции» [18]. Оказывается, что инореференция (информация, относимая к предмету) всегда опосредована самореференцией (субъект

сам определяет, что от него «не зависит», т. е. объективно).

5. Дифференция «объективное / субъективное», понимаемая приведенным выше образом, является естественной конструкцией наблюдателя, проводящего собственное отличие от изучаемого. Однако с конструктивистской точки зрения нет необходимости апологизировать данное различие и придавать ему онтологический статус. Н. Луман иллюстрирует это следующим образом: «Система сама вынуждена осуществлять наблюдение своего наблюдения, описание своих описаний. Поэтому система не может пониматься ни как субъект, ни как объект в классическом смысле этого различения» [19]. Таким образом, речь идет об элиминации из исследования какого-либо внешнего наблюдателя, а также любой априорной предзаданности любых различений, объективности и субъективности.

Заключение. В итоге мы можем вернуться к приведенной выше цитате Ковальченко о тех областях предмета исторической науки, которые можно метафорически охарактеризовать как «точки скопления субъективности». Прежде всего, опираясь на изложенную точку зрения конструктивизма на объективность, мы должны попытаться определить, что же становится на первое место как критерий таковой. Повторимся в том смысле, что вопрос с наших позиций может быть рассмотрен двояко. С одной стороны, в основе эпистемологии анализа коммуникативных систем лежит отказ от классического различения схемы субъекта и объекта. С другой стороны, позиционируется тот факт, что различие является необходимым способом наблюдения, подлежащим аналогичному наблюдению. Главная цель такого подхода – лишить дифференцию онтологического, «метафизического» статуса. Объективность же в данном случае связывается с применением эволюционно успешных (с точки зрения эволюции системы науки) практик наблюдения, «переописания» и, соответственно, замещения того, что предано забвению (контекст исторических свидетельств). Объективность «означает повторяемость практического опыта, одинаковую результативность одинаковых поступков» [14], т. е. успешные системные операции по снижению невероятности. Соответственно, на передний план выдвигается критерий, давно эксплуатировавшийся исторической наукой, который состоит в том, что объективность достигается «благодаря общему уровню, достигнутому исторической наукой..., проверенному и обоснованному знанию» [20, с. 183].

Литература

1. Любичанковский, В. А. Принцип объективности в историографическом анализе /

- В. А. Любичанковскый, С. В. Любичанковский // CREDO NEW: теоретический журнал [Электронный ресурс]. – 2004. – № 1. – Режим доступа: <http://www.credonew.ru>. – Дата доступа: 02.07.2005.
2. Патнэм, Х. Реализм с человеческим лицом / Х. Патнэм // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология / общ. ред. и сост. А. Ф. Грязнова. – М.: Прогресс, 1998. – С. 466–494.
3. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко; Отделение историко-филологических наук. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
4. Серл, Д. Р. Конструирование социальной реальности / Д. Р. Серл, реферативный перевод с англ. А. Романовой // PSyberlink. Психологическая сеть российского Интернета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru>. – Дата доступа: 20.11.2006.
5. Михайлов, А. А. Современная философская герменевтика. Критический анализ / А. А. Михайлов – Минск: Университетское, 1984. – 191 с.
6. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
7. Виноград, Т. О понимании компьютеров и познания / Т. Виноград, Ф. Флорес // Язык и интеллект. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. – С. 185–229.
8. Кобозева, И. М. Интерпретирующие речевые акты / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Логический анализ языка: Язык речевых действий / РАН. Ин-т языкознания; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. – М.: Наука, 1994. – С. 63–71.
9. Ионов, И. Н. Судьба генерализирующего подхода к истории в эпоху постструктурализма (попытка осмысления опыта Мишеля Фуко) / И. Н. Ионов // Одиссей. Человек в истории. 1996 – М.: Coda, 1996. – С. 61–81.
10. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2001. – 377 с.
11. Мининков, Н. А. Объект, предмет и субъект исторического познания / Н. А. Мининков // Отыткрытый текст. Электронное периодическое издание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://opentextnn.ru/history/>. – Дата доступа: 27.03.2005.
12. Орлов, М. Ю. Трагическая ирония: интертекстуальность и текстообразование / М. Ю. Орлов // Портал auditorium.ru. Конференция «Рефлексия. Смысл. Герменевтика». Секция 2. Интерпретация текстов культуры, филологический инструментальный анализ текста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://auditorium.ru>. – Дата доступа: 23.04.2006.
13. Якимова, Е.В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы: науч.-аналит. обзор / Е. В. Якимова; РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М.: ИНИОН, 1999. – 115 с.
14. Цоколов, С. А. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания / С. А. Цоколов // Библиотека сайта «Методология в России» [Электронный ресурс]. – Muhchen, 2000. – Режим доступа: www.http://circle.ru/biblio. – Дата доступа: 26.05.2006.
15. Корбут, А. Логика воображаемого / А. Корбут // PSyberlink. Психологическая сеть российского Интернета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru>. – Дата доступа: 20.11.2006.
16. Посконина, О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества / О. В. Посконина. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1997. – 124 с.
17. Драгунская, Л. С. Переживание, рациональность и континуум. К специфике фрейдовского дискурса / Л. С. Драгунская // Вопросы философии. – 2004. – № 10. – С. 136–144.
18. Луман, Н. Почему необходима «системная теория»? / Н. Луман // Санкт-Петербургский государственный университет: факультет социологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.soc.pu.ru/materials/golovin/reader/luhmann/r_luhmann2.html. – Дата доступа: 25.02.2004.
19. Луман, Н. Самоописания / Н. Луман // Сайт института философии РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru>. – Дата доступа: 12.02.2006.
20. Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: учеб. пособие для студентов магистратуры, аспирантов, слушателей системы повышения квалификации, высш. учеб. завед. / Я. С. Яскевич и др.; под. ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. – Минск: БГУ, 2002. – 291 с.